

У Цай был немного поражён, но через мгновение он с осторожностью дал волю недовольству и шёпотом проговорил:

— Ваш слуга набрался смелости и, по правде говоря, внешность Его Высочества Юн Ци, в сравнении с предыдущими двумя днями, ухудшилась. Что говорят придворные лекари?

Наложница Ли со вздохом сказала:

— Придворные лекари тоже не могут ничего придумать, тело Юн Ци изначально было слабым, и они не решаются давать ему сильнодействующих лекарств, поэтому сейчас выписывают слабое снадобье.

Стоящая в стороне Цин И, понимая, что У Цай спрашивает от имени Огненного императора Янь-ди, осторожно проговорила:

— Лекарные дела мы с государыней не знаем. Если хотите спросить про пульс, идите справиться в комнату лекарей, там всё хранится на полках.

У Цай ответил:

— Само собой, пойду справлюсь. Хоть государь лежит и лечится во дворце, в душе Его Величество постоянно переживает за Его Высочество и через каждые два-три дня приказывает придворным лекарям присылать состояние пульса Его Высочества, и, только лично просмотрев, успокаивается.

Задумавшись на какое-то время, евнух посмотрел на лежащего на кровати бесшумного Юн Ци и вновь спросил:

— Я приходил несколько раз и не видел, чтобы Его Высочество что-нибудь ел. Он постоянно спит целыми днями?

Наложница Ли и Цин И в душе слегка вздрогнули и быстро обменялись выразительными взглядами.

Цин И проговорила:

— Его Высочество всё время такой сонный, когда он приходит в себя, то немного поест и сразу же ложится.

— А-а.

Они шёпотом беседовали, и их голоса ничуть не повышались.

Однако Юн Ци сквозь сон услышал шорохи, внезапно его лежавшие на одеяле изогнутые пальцы слабо начали царапать ткань.

Цин И молча сделала полшага к кровати, заслоняя юношу от взгляда У Цая, и как ни в чём не бывало, притворившись, что наклоняется помочь Юн Ци подоткнуть одеяло, взяла его руку и спрятала.

Как назло, евнух обладал острым взглядом, он уже давно краем глаза заметил эти небольшие движения и с удивлением спросил:

— Его Высочество проснулся?

— Нет, должно быть, ему что-то приснилось.

У Цай подошёл и внимательно посмотрел на лицо Юн Ци. Кожа имела бледный, почти синий оттенок, глаза были плотно закрыты, однако густые ресницы дрожали безостановочно, словно в дурном сне юноша сопротивлялся изо всех сил.

— Ваше Высочество? Ваше Высочество? — дважды невольно позвал У Цай, а затем шёпотом сказал: — Ваше Высочество, Ваш слуга получил высочайший указ и пришёл проведать Вас.

Длинные ресницы Юн Ци задрожали ещё сильнее, да так, что даже сердце слуги дрогнуло вместе с ними.

У Цай терпеливо выждал долгое время, но юноша в итоге не смог открыть глаза.

У наложницы Ли сердце поднялось к горлу: понимая, что лекарство начало действовать, женщина в душе с облегчением вздохнула и спешно проговорила:

— Управляющий У тяжело трудился, прошу, пройдёмте в боковую комнату и выпьем горячего чая, пусть Юн Ци отдохнёт. Цин И, останься и хорошенько присмотри за Его Высочеством.

У Цай почтительно сказал:

— Не осмелюсь, извините за беспокойство, государыня, Вашему слуге нужно вернуться и доложить государю.

Наложнице Ли не терпелось, чтобы евнух поскорее ушёл, и она выпроводила его из спальни Юн Ци.

Только они переступили порог комнаты, как снаружи внезапно донеслись голоса:

— Государь прибыл!

Наложница Ли в душе была сильно потрясена, она обернулась и взглянула на идущего сзади У Цая. На лице мужчины тоже была растерянность, и было ясно, что евнух совершенно ничего не знал.

Хэ Цзюнянь подбежал семенящим шагом и, задыхаясь, проговорил:

— Его Величество приехал, государыня, скорее идите встречайте его!

Внезапно все пришли в себя. Не было времени выяснять, почему всё выходит так плохо, даже поменять одежду не успели, Цин И спешно поправила наложнице Ли платье и волосы на висках, и, быстро, поддерживая под руку госпожу, она вместе с женщиной направилась наружу.

Все толпой люди поспешили в передний двор дворца наследного принца, однако император уже вошёл в ворота.

Появление Огненного императора Янь-ди казалось внезапной затеей, мужчина отказался ехать в большом паланкине, поэтому восемь евнухов несли закрытый паланкин из чёрного золота, в котором располагалась яшмовая печь, также внутри была расстелена подстилка из старой шкуры горного медведя. Слуги с особой осторожностью внесли паланкин в ворота дворца.

Наложница Ли вместе со слугами поспешила встретить государя.

Уважаемый Сын Неба, будучи охваченным болезнью, лично приехал навестить своего сына; помимо того, что женщина была приятно удивлена, её ещё охватывали робость и страх. поприветствовав Огненного императора Янь-ди, наложница Ли, придерживаясь этикета, справилась о его здоровье и только тогда проговорила:

— Такая холодная погода, почему государь лично прибыл? Ваша наложница очень тревожится.

Также болеющий Огненный император Янь-ди неловко поднялся на ноги. Придворные евнухи, подстелив пуховой тюфяк, поддержали его, помогая спуститься и пересесть на принесённый с собой большой мягкий стул, подняв который, они повиновались приказам государя.

Император, опустив голову, посмотрел на стоящую внизу коленопреклонённую наложницу Ли.

С тех пор, как Юн Ци свергли, а женщину заперли в Холодном дворце, сегодня они впервые встретились.

Они жили во дворце, но, словно отделённые тысячами гор, обречённые на тщетное существование, вздыхали, находясь так близко, но на самом деле так далеко.

Огненный император Янь-ди тоже тяжело переживал и тихо вздохнул:

— Не нужно стоять на коленях, встань. Мы прибыли, чтобы навестить Юн Ци, говорят, он серьёзно болен. — И мужчина приказал слугам поднять его и отнести в комнату сына.

Толпа повиновалась приказу и, подняв мужчину, они доставили его в покои Юн Ци. Боясь, что будет неразбериха, посторонние слуги остались за дверью.

Лишь наложница Ли, Цин И, У Цай и два-три близких телохранителя Огненного императора Янь-ди проследовали за государем.

Император приказал слугам подвинуть его к кровати Юн Ци. Наклонившись на одну сторону мягкого стула, мужчина внимательно посмотрел на сына, и брови с густой проседью сошлись на переносице, а сам император прошептал:

— Тело этого ребёнка слабое, Мы всегда знали это. Однако почему он так заболел?

Равнодушный император Янь-ди проявлял мало заботы и любви к сыновьям.

Наложница Ли растрогалась и в то же время огорчилась, а её глаза покраснели:

— В этом году ветер со снегом выдались крайне сильными, и Юн Ци не выдержал. Придворные лекари сказали, что нужно постепенно заботиться о нём и необходимо лишь подождать до весенней поры будущего года, тогда его состояние может улучшиться. Великое счастье, что государь проявляет заботу, значит, этого ребёнка обязательно будет ждать благополучие.

Император едко приподнял уголки губ:

— Весенняя пора, и его обязательно будет ждать благополучие. Кому в нашем веке не столь важно надеяться на это? — он покачал головой.

Многие не поняли его мысли, нахмурившись, опустили головы, а их сердца сдавило словно каменной глыбой.

— Он всегда так спит? — спросил Огненный император Янь-ди.

— Верно...

Помолчав немного, мужчина вновь проговорил:

— Когда смотрю на его лицо, мне кажется, что его мучают кошмары?

У Цай с осторожностью произнёс:

— Ваш слуга тоже так подумал: Его Высочество спит беспокойным сном, ресницы дрожат безостановочно, словно он хочет проснуться.

Огненный император Янь-ди сказал:

— Ничего удивительного. Болезнь такая невыносимая, что во время сна он испытывает тревожность, отчего тратится много жизненного духа, принося ему вред. — Закончив говорить, мужчина слегка приблизился и медленно позвал: — Юн Ци, отец-император приехал. Юн Ци?

Из горла юноши внезапно вырвалось очень лёгкое бормотание, словно он задышался и, будто находясь в кошмаре, стал разговаривать во сне. Спрятанная под одеялом рука, которая неизвестно от какого движения свесилась с кровати, была очень бледной.

Цин И испугалась и спешно наклонилась, чтобы помочь подхватить его руку.

Однако император оказался быстрее служанки и, крепко сжав повисшую обессиленную руку юноши, шёпотом позвал:

— Юн Ци, отец-император приехал.

Юн Ци, по-видимому, услышал, его ресницы сильно затрепетали.

Множество людей смотрели, как юноша напрягает все силы, стараясь проснуться, каждый думал о своём, однако все невольно напряглись и затаили дыхание, а ладони покрылись потом.

Густые ресницы долгое время трепетали, словно, чтобы открыть эти большие глаза, нужно потратить всю силу в Поднебесной. Юн Ци не был склонен сдаваться и упорно заставлял себя пробудиться ото сна. Спустя немного времени глаза ещё не открылись, а ресницы уже стали влажными от взволнованных слёз.

Сердце наложницы Ли резко остановилось, с трудом сдерживая радостное выражение лица, женщина нежно проговорила:

— За то, что государь лично навестил нас, Ваша наложница благодарит Вас за милость от имени Юн Ци. Однако государь тоже чувствует себя нездоровым, и Ваша наложница не

осмелится позволить императору задерживаться в комнате ради больного ребёнка, к тому же издревле, наоборот, здоровый отец навещал больного сына. Прошу государя пройти в главный зал, где Ваша наложница будет прислуживать, подав чай и пирожное, как и положено по этикету.

Огненный император Янь-ди мягко посмотрел на неё и, кивнув, сказал:

— Хорошо.

Мужчина собирался приказать слугам поднять мягкий стул, однако его руку внезапно сжали.

Император с самого начала держал ладонь Юн Ци, сейчас пальцы юноши внезапно изогнулись, и, перевернув руку, он схватился за отца-императора. Сила юноши была небольшой, однако в нём ощущалась пугающая решительность. Он, словно раненый зверёк, рискуя жизнью, хотел совершить побег из засады.

«А!» — резко вскричала стоящая сзади Цин И, вдыхая холодный воздух.

Все в мёртвой тишине затаили дыхание. Сильно дрожащие ресницы Юн Ци наконец-то задвигались, и глаза медленно открылись, обнажая иссине-чёрные, без малейшего изъяна сверкающие, словно горный хрусталь, зрачки.

— Юн Ци. — Увидев, что юноша проснулся, Огненный император Янь-ди больше не хотел уходить, наоборот, он приказал слугам взять и подвинуть стул как можно ближе к кровати и обнажил шелковинку нежности. — Мы приехали навестить тебя.

Юн Ци уставился на сидящего перед ним отца-императора и словно не мог поверить в происходящее. Юноша очень долго оцепенело смотрел на мужчину, лишь, когда как следует разобрался, его глаза засияли неопишуемым взволнованным блеском. Казалось, у Юн Ци в голове множество мыслей, которые он хотел высказать вслух, его кадык резко задёргался вверх-вниз, однако всё, что ему удалось произнести — непонятные хриплые звуки.

Огненный император Янь-ди успокаивающе проговорил:

— Не спеши. Если есть что сказать, то говори спокойно.

Однако Юн Ци было невыносимо тревожно, с трудом покачав головой, он открыл рот и дрожащими губами выдал несколько слов:

— Отец... Отец-император... Юн... Юн...

Он, жертвуя жизнью, желал увидиться с Огненным императором Янь-ди, он только хотел ради

Юн Шаня устранить неразбериху.

Неожиданное появление императора заставило его, уже несущего невыносимое бремя, чрезмерно взволноваться. У юноши совершенно не было сил, даже голосовые связки настолько осипли, что он не был в состоянии сказать всё то, что хотел.

Жертвуя все силы, Юн Ци только и мог, что произнести несколько невнятных слов.

Юноша почти обезумел, чем больше он хотел сказать, тем непослушнее был голос. Из горла выходили шипение и клохтание, а вместе с дрожащей нижней челюстью получался ужасный звук.

Услышав это, многие почувствовали убийственный холод.

Огненный император Янь-ди посмотрел на сына и, понимая, что болезнь дошла до такой степени, что сил на слова не было, протянул руку, мышцы которой были наполнены старостью, и утешающе погладил покрытый холодным потом лоб:

— Ты слишком болен, и лучше тебе отдыхать. Если есть что сказать, то, как только тебе станет легче, ты расскажешь наложнице Ли, и она от твоего имени передаст Нам. Мы будем в императорском дворце, фактически неподалёку. Не спеши, будут другие возможности.

Юн Ци подумал о Юн Шане, заточённом во Дворце Наказаний. Где уж там какие-то другие возможности?

Он сам некогда был там заточён и, естественно, понимал, какое это место.

Юн Шань холодный и сильный характером, даже если он и стал заключённым, едва ли мог смиренно склонить голову и стать кротким. Если он будет дерзить, то неизвестно каким подвергнется мучениям.

От одной мысли об этом сердце будто полоснули ножом.

Губы Юн Ци дрожали изо всех сил; слыша сейчас собственный голос, который был непонятным для всех шипением, юноша разволновался и рассердился, чем вызвал безумный кашель.

Покашляв какое-то время, Юн Ци остановился, лёгкие жгло болью, а в горле чувствовался вкус крови.

Неизвестно, давала ли ему матушка во время сна ещё какие-нибудь лекарства. Отец-император наконец-то приехал, но у юноши не было возможности внести ясность ради Юн Шаня.

Стоящая в стороне Цин И, вытирая пот со лба принца, ласково проговорила, умоляя:

— Ваше Высочество, государь сказал же: если Вам есть, что сказать, скажите позже. Сначала Вам надо успокоиться и отдохнуть, всё ещё впереди, не нужно приставать к государю.

Юн Ци пал духом и потерял надежду, в глазах задрожали блестящие слёзы, и, боясь моргнуть, юноша умоляюще посмотрел на Огненного императора Янь-ди. Слезинки, сорвавшись с ресниц, капля за каплей скользнули по щеке.

Всё пять пальцев хоть невыносимо дрожали, однако по-прежнему крепко держали рукав отца-императора.

Огненный император Янь-ди, который сердцем был подобен железу и камню [1], обратил внимание на такое поведение юноши, но не смог сдержать скорби. Помолчав с мгновение, он тихо и тяжело вздохнул и хотел отдёрнуть руку.

Эта шелковинка силы забирала у Юн Ци жизнь, его тело готово было разбиться вдребезги, однако юноша крепко схватился за рукав Огненного императора Янь-ди. Кто бы мог подумать, что вытянуть руку мужчине так и не удастся?

Мужчина нахмурил брови и вновь потянул рукав.

Но Юн Ци по-прежнему крепко его держал.

Приближённый слуга пришёл на помощь, взяв запястье юноши, дёрнул два-три раза, и в итоге исхудавшая рука отпустила ткань платья.

Юн Ци издал пару kloкочущих звуков, держа голову на подушке. Глаза, которые юноша не на минуту не отводил от Огненного императора Янь-ди, были полны печальной мольбы.

Избегая его слишком умоляющего взгляда, что не в силах был выдержать, мужчина медленно отвернулся и слегка махнул рукой:

— Возвращаемся, возвращаемся, наложница Ли верно сказала: больной отец не должен навещать больного ребёнка. Больной навестил больного, чем лишь увеличил скорбь, и только.

Женщина вела за собой множество людей, провожая их из дворца наследного принца. На широком дворе перед дверью наложница Ли смотрела на удаляющийся золотой закрытый паланкин и, вспоминая полупустые думы, с осторожностью их отпустила.

Огненный император Янь-ди вернулся во дворец.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: твёрдый, непреклонный, непоколебимый.

<http://bllate.org/book/13372/1189618>